

84(3)
H66M

ОДИН НА СЦЕНЕ

Ульф Нильсон и Эва Эрикссон

ENSAM MULLVAD PÅ SCEN

Ulf Nilsson
Eva Eriksson

**BONNIER
CARLSEN**

ОДИН НА СЦЕНЕ

Ульф Нильсон
Эва Эриксон

Самокат
Москва

Обычно я пел для моего младшего брата. Ему это нравилось.

Сначала я пел песню про лето из мультика, а потом ту, под которую пляшут у ёлки.

От восторга он ёрзал и подпрыгивал на своем стульчике.

А ещё я накидывал на голову плед, ходил по комнате кругами и рычал как чудовище. Потом высовывал голову и говорил тоненьким голоском: «Ну это же я!» И тогда он заливался громким смехом.

Но больше всего ему нравилась песенка про нас с ним,
которую придумал я сам:

*Мы с братом так дружны,
как Пятачок и Пух:
Он — хрюк, я — чмок,
я — чмок, он... ПУК!*

Когда я говорил «хрюк», то нажимал ему на кончик
носа, а когда доходил до «пук» — брат валился
от смеха на пол и просил: «Ещё, ещё!» Он считал,
что я пою лучше всех в мире.

Но петь перед публикой я не хотел ни за что на свете. Мне уже было шесть лет, и я ходил в школу. Наш класс готовил концерт к весеннему празднику. На настоящей сцене с настоящими прожекторами. Я подошёл к учительнице и сказал, что выступать не буду. — У меня есть идея, — предложила она. — Ты просто посидишь около сцены и выйдешь объявить, что концерт окончен. Хорошо?

Только пара слов в конце, и потом все пойдут есть торт, а родители — пить кофе.

Но что я надену? Единственное, что осталось, — костюм крота.

Мы репетировали каждый день. Все пели. А после выступления я должен был выходить и говорить:
«Этой короткой песенкой мы закончили наш концерт».
Но я ужасно стеснялся...

An illustration of a woman with a red headband and a yellow shirt, looking down at a mole. The mole is wearing a red shirt and brown pants, and is standing on a yellow circular spot on the ground. The background is a dark, textured wall.

Учительница выводила
меня на сцену:
— Ты справишься с этим
заданием лучше всех, —
говорила она.

Но я крепко цеплялся
за неё и не отпускал.
Прожекторы светили
прямо в глаза. Я молчал.
Я долго ничего не говорил.

А потом очень быстро
и очень тихо:

Этой короткой песенкой мы закончили наш концерт.

Тут прожекторы погасли, и я оказался в темноте.

Учительница сказала:

—Завтра ты выйдешь на сцену один. Скажи это чуть погромче и помедленнее. Увидишь, всё будет очень хорошо...

Вечером я не мог заснуть. Совсем один на сцене.
И сказать ГРОМКО! А в зале полно родителей.
От страха руки у меня стали мокрыми и ледяными.
А что, если я забуду слова? Будет настоящая
катастрофа!

А если я буду заикаться? Вдруг родители будут
кидать в меня тортом? Может, школа закроется
и учительница остается без работы? И у неё не будет
зарплаты, и она пойдёт искать в урнах пустые банки,
чтобы сдавать их за деньги?

А я — со мной-то что будет?

Я бросился в спальню родителей и пристроился
на кровати рядом с мамой.

Смогу ли я спать с мамой после этого? Будет ли
она по-прежнему любить меня? Я лежал и плакал,
пока не заснул.

Мне приснилось, что я стоял на сцене, тут вдруг
выскочило чудовище, завёрнутое в гадкий старый
плед, и съело меня.

Утром за завтраком я ничего не мог есть. И пить тоже — потому что руки дрожали.

— Вот здорово, — сказал папа. — Сегодня в три часа мы увидим ваше выступление. Мы сделаем клубничный торт и возьмём его с собой.

— Замолчи!

— Бабушка тоже придёт, — добавила мама.

— Спой, спой! — радовался брат.

Живот у меня скрутило, и я сказал:

— Ну хватит уже!

А потом я плёлся в школу
на три шага позади папы.
Как будто меня вели в
тюрьму. Живот у меня
болел.

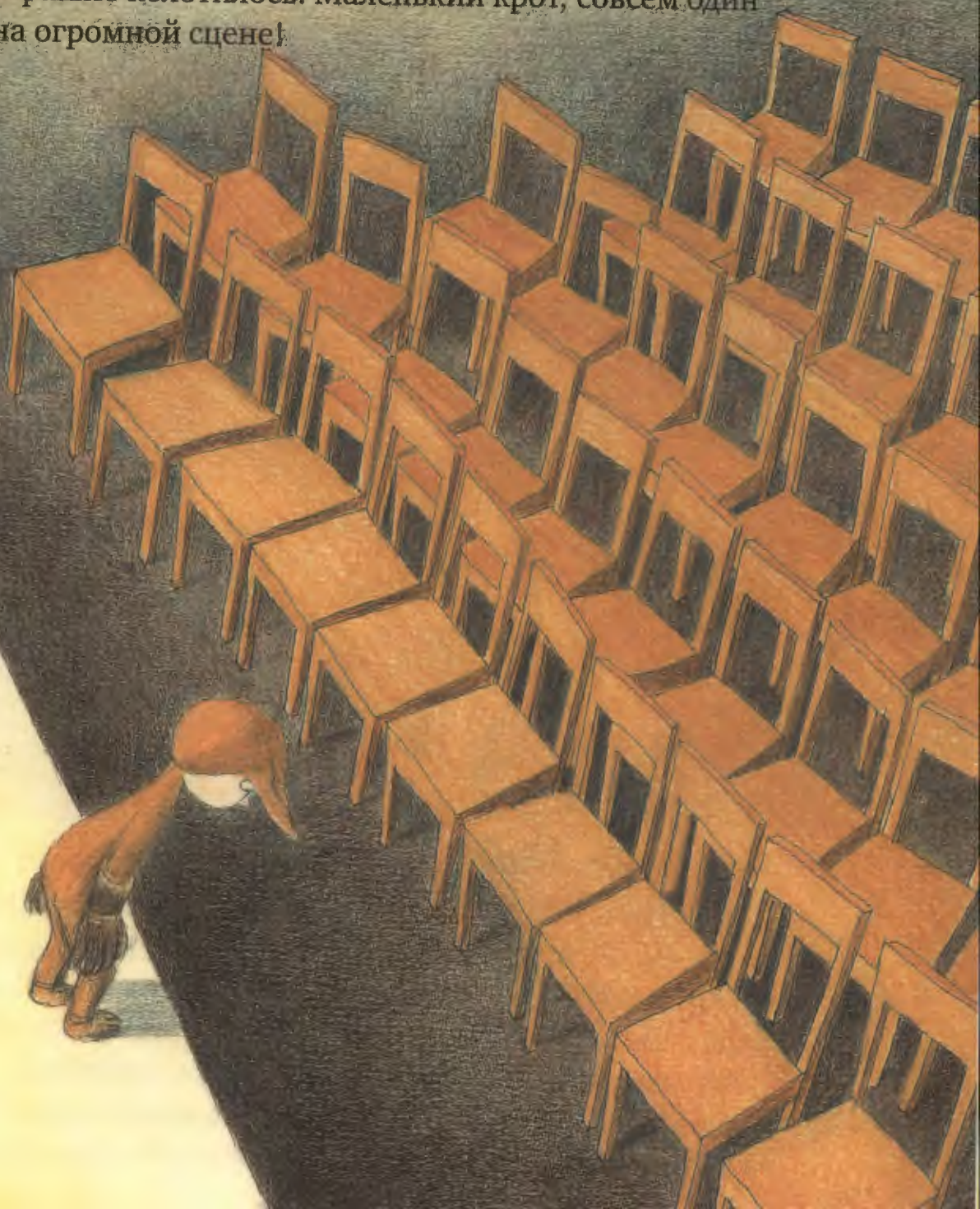

Мы поставили на сцену дерево,
цветы и большое весёлое солнце.
Потом нарисовали на картоне
кучку земли. За ней должен был
сидеть крот и ждать своего выхода.
Ещё мы расставили пятьдесят два стула
для родителей. Получилось похоже
на волны в огромном море.

Сцена казалась в этот день намного больше.
Я стоял на краю, как над обрывом у моря. Сердце
страшно колотилось. Маленький крот, совсем один
на огромной сцене!

529564

Было почти три. Я занял место за картонной кучкой земли. Кроту полагалось сидеть под землёй и слушать все весенние песни, а выйти только в самом конце. Народу было полным-полно.

Пришли все родители, и стульев не хватило. Бабушка, мама и папа с братишкой стояли в конце зала. Все шумели и смеялись.

Раздался звонок, и всё стихло. На сцену поднялась учительница; слышно было, как простучали её каблучки: тук-тук-тук.

— Добро пожаловать на наш концерт! — сказала она громко и отчётливо.

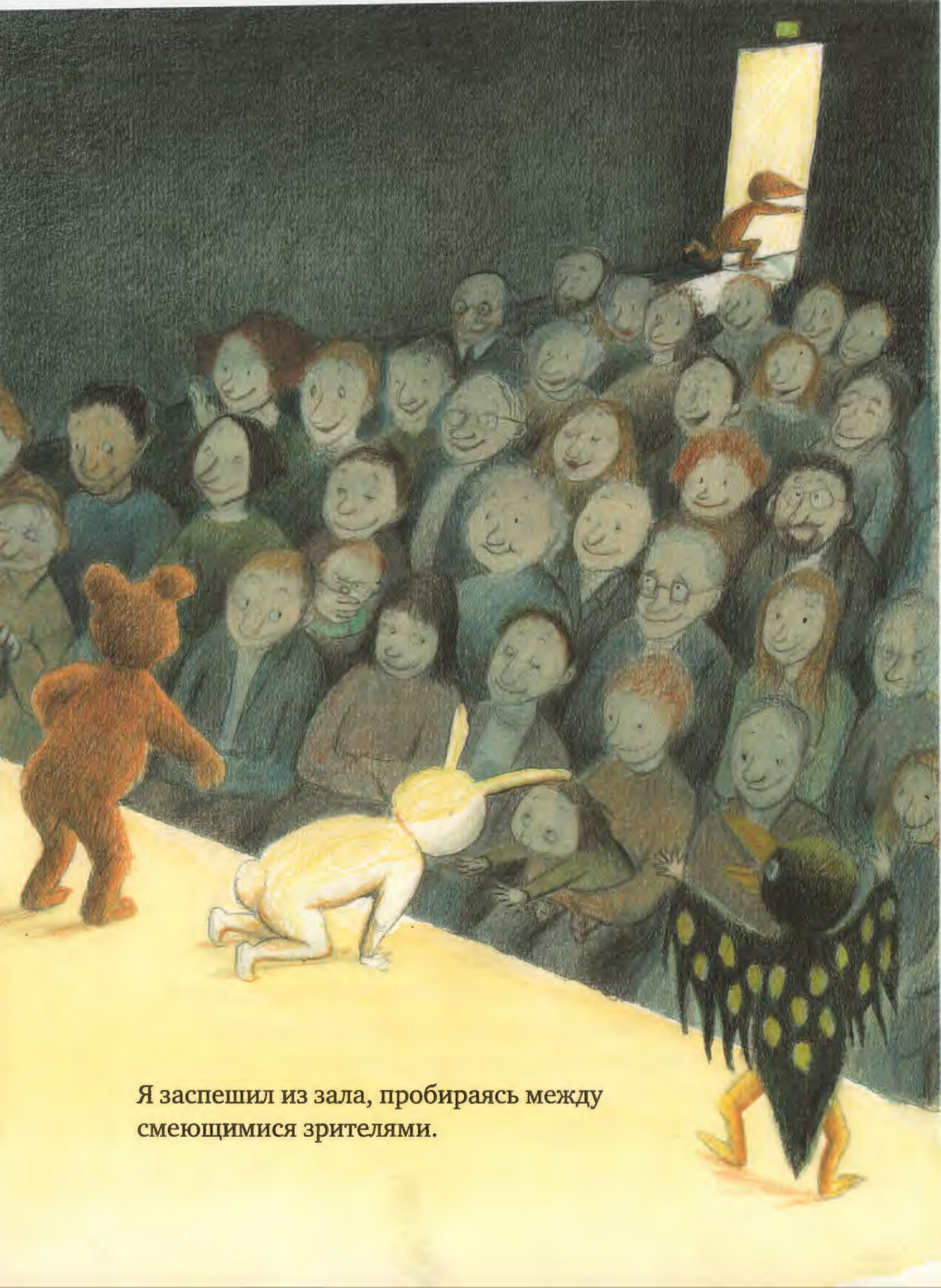
Поднялся занавес. На сцене стоял весь наш класс. По залу пронёсся шелест, защёлкали аппараты, замигали вспышки.

Ребята запели так здорово — громко и красиво. Они притопывали под музыку и махали в такт руками. И всё время улыбались.

Один я, робкий старый крот, сидел под землёй и умел только бормотать едва слышно. А что же я должен был сказать? Что-то про песню или про конец?

И тут мне приспичило в туалет.

Я заспешил из зала, пробираясь между
смеющимися зрителями.

Я добежал до туалета как раз вовремя и успел расстегнуть молнию. Стало легче, но возвращаться в зал я не хотел. Ни за что на свете! Я спрятался за плащами и куртками в гардеробе.

«Я навсегда останусь кротом, который прячется ото всех», — подумал я.

— Кро-о-ти-ик! — позвал вдруг кто-то. — Кро-о-ти-ик!

Это младший брат искал меня. Но я сидел тихо, зарывшись в куртки.

«Никогда-никогда не выйду на сцену и на всю жизнь останусь в темноте», — думал я.

— Вылезай, кротик, — сказал брат, — мой весёлый кротик!

Я выглянул. Он стоял передо мной и смеялся.

— Ага, я вижу твой нос!

Он уселся рядом со мной и взял меня за руку. И это было не то же самое, что сидеть одному в темноте. Тут я услышал, что на сцене запели последнюю песню.

— Ты лучший в мире, иди спой! — попросил братишка. — Я тоже хочу с тобой на сцену. Ты мой большой-пребольшой старший брат!

— Вот ещё, — буркнул я.

И тут я подумал, что будет жаль, если я просижу здесь, спрятавшись в чужой одежде, а они тем временем съедят весь торт. Если я не решусь выйти прямо сейчас, то пропущу что-то очень важное.

Братишка потянул меня за лапу. Я рассердился на себя за свою трусость. За то, что из-за своего страха могу всё пропустить.

— Ненавижу себя за это, — сказал я.

— Весёлый чмок! Самый лучший! — он смешно вытянул губы и звонко причмокнул: — Чмок, чмок, чмок!

Тогда я встал, мы взяли за руки и пошли в зал.

Мы поднялись на сцену,
когда дети допели последнюю
песню, — малыш и проснувшийся от
зимней спячки старый крот с большими лапами.
В зале стало тихо. Я приподнял маску и посмотрел на
зрителей. Странно, но я был совершенно спокоен.
Как будто ужасное чудовище отпустило меня. И я сказал:

— *Этой короткой песенкой
мы закончили наш концерт.*

Кто-то захлопал, но я вдруг
добавил:

— *Это был короткий концерт,
а сейчас ещё песенка. Я спою
весёлую песенку для моего
младшего брата. Он её
любит больше всего. Слова
и музыка — мои.*

*Мы с братом так дружны,
как Пятачок и Пух:*

*Он — хрюк, я — чмок,
я — чмок, он... ПУК!*

—Ещё, ещё! — закричал братишка.

И я запел снова:

—Мы с братом так дружны, как Пятачок и Пух...

Было так весело стоять на сцене! Я подумал, что хорошо бы продолжить новогодней песенкой и рассказать смешной анекдот. А потом ещё и станцевать. Танец умирающего чудовища.

Меня прямо распирало от счастья! Я мог петь
и танцевать сколько угодно.
—Я — чмок, он... ПУК!

От смеха братишка повалился на пол прямо
на сцене. И тут прожекторы медленно погасли.
В темноте зрители засвистели и захлопали в ладоши.
А потом в зале зажгли свет.

Учительница подошла ко мне и сказала:
— Я знала, что ты сможешь сделать это с размахом.
Бабушка толком не расслышала, что я пел. Мама
обняла меня и сказала, что я замечательный брат
и лучший в мире певец.

Папа принёс нам с братом по большому куску клубничного торта, которые мы мигом съели.

А братишка всё повторял и повторял припев моей песенки.

УДК 821.113.6-3
ББК 84(4Шве)-44
Н66

Ulf Nilsson, Eva Eriksson
Ensam mullvad pa en scen

Книга издана при финансовой поддержке
Шведского совета по культуре
(KULTURRÅDET)

Нильсон, Ульф.

Н66 Один на сцене: [для дошк. возраста] / Ульф
Нильсон; пер. со швед. Марии Лаптевой; ил. Эвы
Эриксон. — М.: Самокат, 2016. — 32 с. : ил. —
ISBN 978-5-91759-451-4.

Любое использование текста и иллюстраций раз-
решено только с согласия издательства.

© Text: Ulf Nilsson, 2012
© Illustration: Eva Eriksson, 2012
© Лаптева М.И., перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательский дом «Самокат», издание
на русском языке, 2016

ISBN 978-5-91759-451-4

Литературно-художественное издание

Нильсон Ульф
Эва Эриксон
Один на сцене

Для дошкольного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком

Перевод со шведского Марии Лаптевой
Корректор Надежда Власенко
Верстка Валерия Харламова
Выпускающий редактор Яна Казиева
Главный редактор Ирина Балахонова

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом «Самокат»
101000, Москва, а/я 487
info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Книги по издательским ценам можно
приобрести по адресу
Звенигородское шоссе, д. 3, стр. 5, подъезд 3

Отдел продаж:
samokat.zakaz@gmail.com, samokat.ish@gmail.com
Услуга «Книга — почтой»:
samokat.post@gmail.com, +7(915)164-52-57

Подписано в печать 06.11.2015

Формат издания 60х84/8

Печать офсетная

Усл. печ. л. 4,65. Тираж 3000 экз.

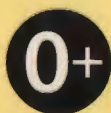
Заказ №4620/15

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546,
Тверская обл., Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

Мой младший брат считает, что я пою лучше всех. Но петь перед публикой я не хочу ни за что на свете. Прожекторы светят прямо в глаза. Я ужасно стесняюсь. Я крепко цепляюсь за учительницу... Выйти на сцену? Одному?
Настоящий кошмар!

Ульф Нильсон и Эва Эриксон — легендарный шведский тандем лауреатов Международной премии имени Астрид Линдгрен — с пониманием и юмором расправляются с очередным знакомым всем с детства страхом — страхом перед сценой.

ISBN 978-5-91759-451-4

9 785917 594514 >